

В чёрно-белом кадре к окружённой журналистами паре тянулись десятки микрофонов.

Супруги Цзян были безупречно одеты: дорогой костюм, вечернее платье. Они улыбались и, судя по обстановке, присутствовали на каком-то крупном приёме.

Ни в их лицах, ни в поведении не было заметно скорби родителей, чей сын пропал полгода назад.

Из-за серой гаммы все люди на экране выглядели особенно странно и жутковато, словно находились уже не в мире живых.

Госпожа Цзян улыбнулась камере.

— Здравствуйте.

Хотя ей было уже за пятьдесят, выглядела она великолепно. Каждое движение выдавало женщину из высшего общества.

— Говорят, председатель Цзян скоро уходит на пенсию. Перейдёт ли группа «Чаншэн» следующему поколению? Кому именно вы планируете передать управление?

Вопрос журналиста был прямым и довольно бесцеремонным, но именно это интересовало всех сильнее всего.

«Чаншэн» обладала огромными активами. Тому, кому достанется компания, достанется и колоссальная власть.

Цзян Юй не отрываясь смотрел на экран. Пальцы сами собой впились в обивку дивана.

Сердце неприятно сжалось.

Он не знал, что услышит.

Но предчувствие было дурным.

Ши Цзянтин обхватил его за талию и почти всем телом улёгся ему на колени.

В любое другое время Цзян Юй с отвращением пнул бы его прочь.

Но сейчас всё внимание было приковано к телевизору. Он даже не заметил близости Ши Цзянтина.

На экране господин Цзян долго говорил правильные, пустые корпоративные фразы, никак не переходя к сути.

С каждым словом напряжение внутри Цзян Юя становилось сильнее.

Он знал: если «отец» действительно принял решение, колебаться не станет.

В этот момент Ши Цзянтин поднял руку Цзян Юя, будто разглядывал красивую безделушку, и поднёс её к свету.

Кисть была белой и изящной, под кожей отчётливо проступали сосуды, подушечки пальцев слегка розовели.

Рядом с почти мертвенно-белой рукой Ши Цзянтина разница была особенно заметна.

Тот долго рассматривал её, потом неожиданно переплёл пальцы с пальцами Цзян Юя.

Тепло и холод смешались в странном, почти приятном ощущении.

Ши Цзянтин увлёкся. Поднёс их сцепленные руки к губам и уже собирался поцеловать кончики пальцев...

Но Цзян Юй внезапно сжал кулак.

Чистый рефлекс.

Потому что в тот же миг с экрана прозвучал торжественный голос господина Цзяна:

— Сегодня я официально объявляю: группа «Чаншэн» перейдёт под управление моего второго сына, Цзян Цишаня. Да, у него пока недостаточно опыта, однако...

Остальное Цзян Юй уже не слышал.

Он смотрел в экран, не моргая.

В голове стало совершенно пусто, перед глазами поплыло. Холод, поднявшийся от ступней, прошёл всё тело, даже дыхание будто остановилось.

Почему?

Он был первым ребёнком, которого усыновила эта семья, и прожил с ними дольше всех.

Столько лет он учился управлению компанией, добиваясь признания отца, и неизменно получал лучшие оценки.

Давно перестал быть тем слабым ребёнком, который ничего не хотел отнимать у других.

Он старался.

Старался изо всех сил.

Почему же всё равно...

настолько несправедливо?

Получалось, он так и остался чужим человеком, которому просто дали фамилию Цзян.

Как и в детстве.

Он ничего не мог выиграть.

— Цзян Юй! Дыши!

В ухо ворвался встревоженный голос Ши Цзянтина.

Цзян Юй всё ещё сидел неподвижно. Эмоции ударили настолько сильно, что он действительно перестал дышать.

Ши Цзянтин обхватил лицо Цзян Юя ладонями и встретил пустой, безжизненный взгляд.

Не сумев привести его в себя голосом, он вдруг наклонился, собираясь поцеловать.

И в самый последний момент Цзян Юй очнулся.

Он резко оттолкнул Ши Цзянтина.

— Отвали!

Это было чистое, инстинктивное отвращение.

Ши Цзянтин отлетел в сторону, но совершенно не разозлился.

— Даже целовать нельзя? — усмехнулся он. — Каждую ночь целую, а ты всё никак не привыкнешь?

Цзян Юй прикусил губу так сильно, что почти оставил след.

— Мне не нравится.

— Ясно.

Ши Цзянтин пожал плечами. Убедившись, что Цзян Юй пришёл в себя, он оперся локтем о диван и наклонился ближе.

— Этому Цзян Цишаню сейчас девятнадцать, да? На пять лет младше тебя.

— Да.

Стоило услышать имя Цзян Цишаня, как на лице Цзян Юя появилось нескрываемое раздражение.

— Его ведь тоже усыновили. Похоже, супругам Цзян очень нравится брать детей в семью, — насмешливо заметил Ши Цзянтин.

Цзян Юй не ответил.

Интервью переключилось на скучные темы: успехи «Чаншэн», вклад компании в городскую экономику и прочие вещи, от которых у него только сильнее болела голова.

И тут один журналист спросил:

— А почему в последнее время нигде не видно вашего старшего сына, молодого господина Цзян Юя?

Цзян Юй мгновенно насторожился.

Он невольно сильнее сжал руку Ши Цзянтина.

— О, он уехал путешествовать за границу, — с лёгкой улыбкой ответил господин Цзян. — Не знаю, когда вернётся.

...

Одного удара оказалось мало.

Следом пришёл третий.

Господин Цзян с улыбкой сделал шаг в сторону, и камера повернулась.

К нему вприпрыжку подбежал мальчик лет пятнадцати и обхватил его за руку. Красивый, солнечный, живой.

Сердце Цзян Юя ухнуло вниз.

Плохое предчувствие усилилось.

И действительно.

— А это наш недавно усыновлённый третий сын. Мы назвали его Цзян Ань. Обычно такой сорванец. Услышал, что мы с матерью идём на интервью, и во что бы то ни стало захотел попасть в кадр. Вы уж простите его.

Госпожа Цзян тоже подошла и ласково взъерошила Цзян Аню волосы.

Трое стояли рядом.

Идеальная счастливая семья.

На этом изображение исчезло.

Потому что Ши Цзянтин отключил телевизор.

Он повернулся к Цзян Юю и раскрыл руки, явно предлагая объятия.

Цзян Юй опустил голову. Лица не было видно.

— Не хочешь обняться? — тихо спросил Ши Цзянтин.

— Отвали...

Голос был хриплым и едва слышным.

— Как обидно.

Ши Цзянтин всё равно притянул его к себе.

Цзян Юй не сопротивлялся.

Словно кукла, из которой вытащили душу, он неподвижно сидел в чужих руках.

Через долгое время Ши Цзянтин услышал прерывистый голос:

— Я... я нормально смотрел мультфильм... Это всё ты... Зачем канал переключил!

Ши Цзянтин беспомощно усмехнулся.

— Ну ты и неразумный.

А затем добавил с улыбкой, от которой веяло фальшью:

— Я просто хотел показать тебе родителей, по которым ты так скучаешь. Вдруг совсем истосковался?

— Пошёл ты! Ты специально!

Цзян Юй резко вырвался из его объятий.

Глаза покраснели, слёзы стояли на грани. Бледное лицо, тяжёлые тени под глазами — он казался настолько хрупким, что вот-вот рассыплется.

Цзян Юй пытался удержать дрожь в голосе, но от этого звучал только слабее.

— Я... я прекрасно понимаю... чего ты добиваешься! Ты специально...

Специально заставил его услышать эти слова.

Специально показал эти кадры.

Чтобы окончательно убить желание вернуться домой.

— Хорошо-хорошо, специально.

Ши Цзянтин снова силой прижал Цзян Юя к себе, уткнув его лицом в грудь.

Голос при этом звучал почти пугающе нежно:

— Ты должен помнить: как бы внешний мир тебя ни обижал, здесь у тебя всегда будет убежище. В моих объятиях можешь плакать сколько хочешь.

Цзян Юй раз за разом бил его кулаком в грудь.

— Никому... я не нужен... Они меня не спасают... наследство мне не отдадут... ещё одного взяли... игнорируют... отодвигают... ни один человек меня не ценит...

Ши Цзянтин не стал ничего отвечать.

Просто крепко держал Цзян Юя, пока тот постепенно не успокоился.

— Сегодня хорошая погода. Муж пойдёт с тобой сажать овощи, ладно? Побудешь на солнце — станет легче.

Цзян Юй ничего не ответил.

Обессиленный, он лежал в объятиях Ши Цзянтина — тому этого было достаточно, чтобы принять молчание за согласие.

— Хороший А-Юй. Тогда пойдём.

Ши Цзянтин поднял его и понёс к выходу.

Никто не увидел, как перед дверью он обернулся к телевизору.

На губах появилась странная, многозначительная улыбка.

В темноте...

Выключенный экран внезапно издал резкий треск.

З-з-з-з!

Белые помехи бешено заметались по стеклу.

Среди хаотичного шума изображение снова начало проступать.

Экономический канал будто застыл под действием невидимой силы.

Все люди в чёрно-белой одежде одновременно выпучили глаза и неподвижно уставились наружу экрана.

Словно мёртвые куклы после окончания спектакля.

З-з-з!

Картинка резко дёрнулась.

И снова показала историю большого серого медведя и белого кролика.

Видео само собой дошло до финала.

По сюжету белый кролик должен был радостно вернуться домой, а большой медведь — печально смотреть ему вслед.

Но теперь...

Медведь распахнул чудовищную пасть и одним укусом раздробил кролику голову.

Во все стороны брызнуло содержимое черепа.

Под громкое хрум-хрум он прожевал и проглотил добычу.

Щёлк!

Телевизор погас.

Комнату поглотила тьма.

Оказывается, и чёрно-белая передача, и «супруги Цзян»...

были лишь тщательно сплетённым Ши Цзянтином кошмаром.

<http://bllate.org/book/19625/1935186>